



УДК 94(47)“1914/19”

Пархоменко Т.А

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ

Аннотация. Статья анализирует проблему отношения творческого сообщества к войне. Вступление России в Первую мировую войну разделило интеллигенцию на ее адептов, готовых вооруженным путем отстаивать национальные интересы страны, и пацифистов, считавших, что в борьбе враждующих сторон не может быть победителей, только проигравшие, а всякая военная победа есть лишь оптический обман. Автор описывает «военное направление» отечественной культуры. Особое внимание уделяется авангардно-футуристическому проекту: от Ф.Т. Маринетти, считавшего «войну – единственной гигиеной мира», до В.В.Маяковского, во время войны заявившего: «Долой вашу любовь, долой ваше искусство, долой ваш строй, долой вашу религию». Прослеживаются переходы от культуры войны к политике революции и от войны внешней к войне внутренней.

Ключевые слова: история, культура, Россия, Первая мировая война, интеллигенция, патриотизм, пацифизм.

Война – трагедия истории, и отношение к ней интеллигенции всегда было неоднозначным. Война не вписывалась в интеллектуальное *credo* творцов, защищавших культуру от варварства, гения от дикаря, духовное пространство от порабощения и гибели. Наиболее полно и ярко пацифизм творческого сообщества был выражен М.А.Волошиным, считавшим, что «зло в тесноте сражений побеждается горшим злом»: «Я отказываюсь быть солдатом, как европеец, как художник, как поэт, – писал он в 1914 г. военному министру В.А.Сухомлинову: – как европеец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной войне... Как художник, работа которого есть созидание форм, я не могу принять участие в деле разрушения форм – и в том числе самой совершенной – храма

человеческого тела. Как поэт, я не имею права поднимать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг – понимание» [10. С.59; 21. С. 225]. Волошин полагал, что в борьбе враждующих сторон не может быть победителей, только проигравшие, а военная победа есть лишь «оптический обман людей, безумных политикой» [9. С. 44]. В своем отношении к «Великой Брани» Волошин был бескомпромиссен: «Не знать, не слышать и не видеть... / Застыть как соль... уйти в снега... / Дозволь не разлюбить врага / И брата не возненавидеть!» – говорил поэт в разгар боевых действий [10. С. 63].

Антивоенный протест М.А.Волошина поддерживали многие мастера культуры, прежде всего последователи учения Л.Н.Толстого, который еще на заре XX в. в работе «Патриотизм и правительство» говорил о необходимости «отказываться преклоняться перед воинственным идолом» и «поддерживать проповедников, которые проповедуют войну» [40. С. 438–439]. В 1914 г. «единомышленники Л.Н.Толстого» «выступили с коллективным воззванием против первой мировой войны», получившим широкий общественный резонанс не только в России, но и в мире [8. С. 258–259]. Это стало возможным благодаря толстовцу П.И.Бирюкову, осуществившему перевод русского воззвания на французский язык и его публикацию в журнале Анри Гильбо «Demain» («Завтра»). Являясь морским офицером по образованию и пацифистом по духу, П.И.Бирюков к началу войны жил в Швейцарии, и жизнь в этой стране позволяла ему и двум его сыновьям не только выступать против мирового побоища, но и избегать любого участия в нем.

Активные антивоенные выступления подпитывались пассивным неприятием войны. Так, Борис Пастернак советовал всем «закрыть глаза на войну, чтобы избавиться от “дурного сна”» [2. С. 385], а Марина Цветаева в самый разгар русско-немецких боев 1914 года признавалась: «Германия – моя любовь! / Ну, как же я тебя отвергну, / Мой столь гонимый Vaterland, / Где всё еще по Кёнигсбергу / Проходит узколиций Кант...» [43. С. 40]. В подобном ключе рассуждал и Юрий Анненков: «Я помню, какое унижительное впечатление произвел на меня разгром германского посольства в Петербурге и каким нелепым показалось мне переименование Санкт-Петербурга в “Петроград”, в день объявления войны, в 1914 г. Мы желали видеть творческое объединение всех людей-братьев, без какого бы то ни было отношения к расовым различиям, к цвету кожи, к языкам, к истории, формировавших ту или иную народность. Человечество – оркестр» [2. С. 385]. Резко негативно к войне и к переименованию Санкт-Петербурга в Петроград отнеслись Д.Мережковский и З.Гиппиус, а так же братья И.А. и Ю.А. Бунины, говорившие: «Ну, конец нам! Война России за Сербию, а затем революция в России... Конец всей нашей прежней жизни!» [41. С. 116] Вместе с тем, подобные мрачные чувства в 1914 г. переживала отнюдь не вся интеллигенция, и как отмечал тот же Анненков, с началом войны «в литературно-художественной среде произошел распад. Большинство приняло оборонческую точку зрения. Леонид Андреев основал и редактировал патриотический журнал «Отечество. Горький написал Андрееву негодующее письмо, и их многолетняя дружба дала незалечимую трещину...» [2. С. 10]. Эта трещина в той или иной мере задела практически все творческое сообщество России.

В конце июля 1914 г. мэтру русского искусства И.Е.Репину, жившему в Куоккале, исполнялось семьдесят лет, и все готовились к этому юбилею: друзья, коллеги из Академии художеств и Академии наук, газетчики и журналисты. В день своего рождения Репин «в светло-сером костюме, с розой в петлице, и с траурной лентой на шляпе» по причине недавней кончины Н.Б.Нордман, желая избежать юбилейных торжеств, запер свою мастерскую на ключ и ушел на дачу к Корнею Чуковскому, где вместе с Ю.Анненковым и Н.Евреиновым ждал приветственных телеграмм и делегаций, но ничего и никого не было, и только вечером прибежавшая соседка «тихо сказала: – Война! Все вскочили с мест, взволновались и заговорили, перебивая друг друга, о кайзере, о немцах, о Сербии, о Франце-Иосифе... Репинский праздник сразу оказался отодвинутым в прошлое. Репин нахмурился, вырвал из петлицы свою именная розу и встал, чтобы сейчас же уйти» [2. С. 259]. С объявлением войны всем стало ясно, что открывается совершенно новая страница истории, начинается другая эпоха: одни радовались этому и рвались в будущее, другие не ждали от него ничего хорошего.

Та часть интеллигенции, что примыкала к русскому национальному движению, увидела в войне возможность расширения культурного пространства России и претворения в жизнь давней мечты о создании огромной славяно-православной империи со столицей не только в Петербурге, но и в Константинополе. Как считал, например, В.В.Розанов, «Россия – ряд пустот. И вот в эти пустоты забираются инородцы; даже иностранцы забираются. Не в силе их натиска – дело, а в том, что нет сопротивления им... И все “жалят” Россию. “Как бы и куда бы ей запустить яда”» [35. С. 176, 265]. Выход из данной ситуации виделся именно в росте и укреплении русского присутствия в мире, появлении на его политической карте новой Великой и Святой Руси как духовного центра и оплота Европы, в том числе вооруженным путем. Поэтому начавшаяся летом 1914 г. война окрылила отечественных национал-патриотов, породив надежду на скорую возможность осуществления их русского глобального проекта, тем более, что уже через восемь месяцев после разворачивания боевых действий между Россией, Англией и Францией было заключено соглашение «об уступке России Константинополя, проливов и береговых полос» в качестве «гарантий мира, когда война будет доведена до успешного конца» [15. С. 242, 127].

В этом тогда мало кто сомневался: «Я верю в нашу победу, – писал, например, попечитель народного университета Шанявского, князь В.М.Голицын, – и верю в живые силы народа и в то, что война вызовет в нем полное преобразование и даже перерождение в настоящем национальном духе, а еще более в общечеловеческом» [33. Л. 912]. С князем Голицыным в 1914 г. были согласны многие творческие деятели, в частности, В.Я.Брюсов. Объясняя свой военный восторг 1914 г., он говорил, что тогда «были у России, у русского общества светлые надежды, может быть, обманчиво поданные царским правительством: оказать благотворное влияние на судьбу других стран и протянуть руку помощи другим угнетенным народам...» [7. С. 434]. Как едко подметила З.Н.Гиппиус, внимательно наблюдавшая за «светлыми надеждами» своих коллег по перу, «москвичи осатанели от православного патриотизма. Вяч.Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой и т.д. и т.д.» [11. С. 210]. При этом особенно воодушевленно начало боевых

действий встретило «русское студенчество, заполнившее в годы войны школы прапорщиков и юнкерские училища и ставшее доподлинными юнкерами и прапорщиками», которые на полях сражений героически «подставляли собственный лоб под немецкую пулю ради воодушевления не желавших воевать солдат» [23. С. 39]. Во главе студенчества стояла профессура, летом 1914 г. «объявившая своим девизом “военную мобилизацию высшей школы”», отчислившая 3% своего содержания на нужды войны и развернувшая чистку научно-преподавательского сообщества, из которого были исключены все подданные Германии [19. С. 152–153].

Русская интеллигенция уже летом 1914 г. приступила к организации по всей стране благотворительных концертов и литературно-музыкальных вечеров, публикации на основе «безвозмездного участия и на помощь жертвам войны» различных сборников стихов и прозы. Одновременно для широкой пропаганды национал-патриотических идей была развернута работа таких изданий как «Отечество», «Русская воля», «Скифы», знаковыми фигурами которых стали Л.Андреев, А.Белый, Р.Иванов-Разумник. Осенью 1914 г. начался сбор материалов по Великой войне, и в Историческом музее имени Александра III был создан специально посвященный ей отдел. Тогда же в различных культурно-просветительных учреждениях страны было налажено чтение публичных лекций на темы «Россия и Германия», «Современная Германия», «Англия и ее политические задачи», «Империя Франца Иосифа и борьба народов», «Экономические причины современной войны», «Для чего нужно вести войну», «Война и культура», которые, например, в городском народном доме на Введенской площади Москвы в 1914–1915 гг. читали преподаватели Т.К.Вебер, В.Н.Бочкарев, Л.Б.Кафенгауз, А.М.Ладыженский, Б.И.Сыромятников, С.М.Чемоданов.

Исключительную роль приобрела военная пресса, фронтовые и армейские газеты – «Русский инвалид», «Войн и пахарь», «Армейский вестник», «Вестник военного и морского духовенства», корреспонденты которых в 1914 г. писали о «необычайном подъеме русского духа» и скорой победе России. Большое значение имели и такие популярные газеты как «Московские ведомости» Б.В.Назаревского, «Русское слово» В.М.Дорошевича, «Новое время», «Время» и «Вечернее время» Б.А.Суворина, с начала войны организовавшие работу военных корреспондентов, например, В.Я.Брюсова, направленного «Русскими ведомостями» в Варшаву, А.Н.Толстого, работавшего от тех же «Русских ведомостей» в Англии и Франции, или С.М.Городецкого, который на Кавказском фронте представлял не только газету «Русское слово», но также Всероссийский союз городов, созданный в августе 1914 г. для оказания помощи русской армии.

Огромную новаторскую роль играл Военно-кинематографический отдел «Скобелевского комитета для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду войнам», учрежденный накануне войны в целях создания русского военно-образовательного и воспитательного кино. В 1914–1917 гг. Военно-кинематографическим отделом, а также частными кинопредпринимателями было выпущено немало лент о войне, в первую очередь, военной хроники, которую в боевых условиях героически снимали операторы П.В.Ермолов, П.К.Новицкий, Н.И.Топорков и англичанин Эрколь,

преданно служивший России и союзническим интересам Антанты. Только благодаря храбрости и мужеству этих людей, особенно двух последних, награжденных Георгиевскими крестами, стало возможным создание больших документальных картин «Под русским знаменем. Вторая Отечественная война. 1914–1916 г.г.» и «Генерал-адъютант А.А.Брусиков», которые в наши дни имеют исключительную ценность [20. С. 68–72]. Помимо фильмов важная роль в поддержании патриотических настроений отводилась военным открыткам, рассылавшимся участникам боевых действий. Они представляли собой фронтовые фотографии, живописные зарисовки, а порой и картины на актуальные для армии темы, например, художника Г.А.Заборовского «Твоя жена везде с тобою» или «Твой сын всегда думает о тебе». Военные наброски в местах боевых действий делали М.В.Добужинский, Е.Е.Лансере, А.А.Рылов, Н.С.Самокиш и другие. Одновременно шло формирование собрания рисунков и фотографий военной трофейной комиссии, представлявшее фронт с противоборствующей стороны.

1914 г. возродил военное направление отечественной культуры, представленное в самых разных жанрах литературы, живописи, музыки, поэзии, сценического искусства и кино. Так, Валерий Брюсов уже 20 июля 1914 г. написал стихотворение «Последняя война», выражавшее надежду на то, что «из огненной купели / Преображенным выйдет мир!», и поэтому:

Пусть падает в провал кровавый
Строенье шаткое веков,
В неверном озареньи славы
Грядущий мир да будет нов!

Пусть рушатся былые своды,
Пусть с гулом падают столбы, –
Началом мира и свободы
Да будет страшный год борьбы! [7. С. 291]

За этим первым военно-романтическим стихотворением В.Я.Брюсова последовали другие: «Старый вопрос», «Круги на воде», «На Карпатах», «Польше», «Западный фронт», «Завет Святослава», говорившие о том, что война ставит перед Россией ключевой вопрос: «Мы кто в этой старой Европе? / Случайные гости? орда... / Иль мы – тот великий народ, / Чье имя не будет забыто...» [7. С. 292]. Брюсов не сомневался в том, что русские – великий народ, «народ-часовой, сдержавший напоры монголов» и способный победить любого другого врага [6. С. 208]. Восторженно встретил войну Сергей Городецкий, написавший «книгу неистово патриотических стихов» под названием «Четырнадцатый год», которая была даже отмечена высочайшим подарком: золотым пером [42. С. 314]. В 1914 г. Сергей Есенин сочинил «Молитву матери» и «Богатырский посвист», его друг Иван Коробов написал стихотворение «В дыму шрапнели», а Георгий Иванов подготовил к изданию книгу стихов «Памятник славы». Военная тема затронула и В.В.Розанова, выпустившего работу «Война 1914 и русское возрождение». В 1914 г. мастер

исторической живописи Виктор Васнецов создал два героических полотна: «Илья Муромец» и «Единоборство Пересвета с Челубеем», а авангардный художник Наталья Гончарова выполнила серию больших литографий под общим названием «Мистические образы войны». Тогда же К.С.Петров-Водкин приступил к написанию картин «Жаждающий воин» и «На линии огня». В портретном жанре проявил себя Борис Кустодиев, завершивший к 1915 г. работу над художественным образом Николая II – ярким, парадным, вдохновляющим.

Словом, война заполнила творческие биографии многих отечественных деятелей культуры, а для некоторых из них фронтовые будни стали частью жизни и судьбы. За героизм и беспримерную смелость в бою были награждены Георгиевскими крестами и вошли в число героев Первой мировой войны: Александр Чижевский, Виктор Шкловский, Бенедикт Лившиц, а Михаил Зощенко вообще стал полным Георгиевским кавалером, то есть заслужил все четыре Георгиевских креста. Стойкость и сила духа была присуща и женщинам, в частности, дочери Л.Н.Толстого Александре Толстой – кавалеру Георгиевской медали 3-й и 4-й степени. Все эти разные, в общем-то, люди стали знаковыми фигурами того трагического поколения, которое, по словам военного переводчика Андре Моруа, «было навсегда отмечено войной. Превыше всего оно ставило мужество, нравственное и физическое. Его воодушевляли шовинизм, порожденный войной, и в то же время мечта о всеобщей справедливости» [29. С. 238]. Наглядным примером данного утверждения был Николай Гумилев – «героический и искренний патриот», который сразу же после объявления войны «ушел добровольцем в действующую армию и, за свое бесстрашие, был даже дважды награжден Георгиевским крестом» [2. С. 63]. Гумилев твердо верил в то, что «воистину светло и свято / Дело величавое войны / Серафимы ясны и крылаты / За плечами воинов видны» [14. С. 9]. В стихотворении «Наступление», написанном осенью 1914 г. и опубликованном два года спустя в сборнике «Колчан», Н.С.Гумилев писал:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

...

Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно в груди моей.

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага [14. С. 55–56]

Николай Гумилев, как отмечал тот же Анненков, «своим характером и своей биографией сильно отличался от других русских поэтов его времени», и не только поэтов, но интеллигенции вообще, плохо понимавшей, что ей делать на фронте и, подобно М.Шагалу, говорившей: «Я бестолковый, ни на что не гожусь, и даже пушечного мяса на мне не так много. Одни краски: румяные щеки, голубые глаза – но это солдату ни к чему» [2. С. 63; 44. С. 121]. Также рассуждал и герой романа Л.Андреева «Иго войны»: «Почему я такой ничтожный? “Отечество в опасности” – какие невыразимо страшные слова: отечество в опасности. А при чем я тут, на кой дьявол нужен я этому отечеству? Любая лошадь в это страшное время полезнее отечеству, нежели я...» [1. С. 270].

Интеллигенция, никогда не отличавшаяся, за редким исключением, крепким здоровьем и физической силой, не видела никакого смысла в своем участии на полях сражений.

Вопрос рационального использования интеллигенции во время войны, ее профессиональных знаний и опыта, был поставлен лишь летом 1916 г. в докладе царю генерала М.В.Алексеева, который 15 июня предложил «призванных на военную службу лиц с высшим техническим образованием обратиться к службе на заводах, работающих на оборону, а также в шахтах и рудниках», на что Николай II добавил: «и для сельскохозяйств. промышл. постольку, поскольку эти лица обеспечивают интересы и нужды армии» [15. С. 341–342]. При этом предполагалось отозванным с фронта специалистам, «оставшимся в нижнем звании, присвоить звание зауряд-классных военных техников и содержание, положенное прапорщикам действующей армии» [15. С. 342]. О гуманитарной интеллигенции в докладе генерала Алексеева речи не шло, и она продолжала использоваться почти исключительно в качестве физической силы и пушечного мяса, что лишь увеличивало ее оппозиционность. Между тем, еще в 1915 г. русские националисты обращали внимание Николая II на то, что в условиях войны наряду с полным запретом публикаций, «направленных против системы управления или существующего строя», «правительство обязано заполнить тот печальный пробел в условиях интеллектуальной жизни широких народных масс, какой является самым уязвимым местом для всех враждебных и нерусских влияний», заполнить, опираясь на лояльные режиму «русские интеллигентные круги», готовые заняться выпуском дешевых национальных изданий и повсеместным народным просветительством в духе верности царю и отечеству [15. С. 363].

Но ничего сделано не было в первую очередь из-за дефицита средств, а также отсутствия нужных кадров интеллигенции, у значительной части которых, по отзывам современников, к началу XX в. «окончательно исчезло сознание русской национальной идеи», они были «лишены патриотизма и

презрительно и недоброжелательно относились ко всему русскому», что было не удивительно для страны, в правящем слое которой «ум, способности людей обесценены, отброшены, как ненужный хлам» [39. С. 272, 286]. Всех поражало, например, с каким апломбом военный министр России, «генерал Сухомлинов хвастался тем, что за двадцать пять лет он не прочел ни одной книги»; таким же в большинстве своем был и командный состав армии, прозванный князем С.П.Оболенским «диктатурой пьяных полковников» [38. С. 266, 270], под власть которой миролюбивая интеллигенция никак не хотела попасть. Недаром Александр Блок говорил друзьям, что «переменить штатское состояние на военное едва ли в моих силах», и лишь благодаря связям ему удалось попасть в Земгор на должность табельщика, но... при «форме – почти офицерской с кортиком» и «на офицерском положении», что, впрочем, никак не изменило его отрицания всего армейского [31. С. 206–207]. Во время всеобщего ликования по поводу начала боевых действий Блок 8 сентября 1914 г. мрачно заметил: «От дней войны... кровавый отсвет в лицах есть» [5. С. 250].

Негативно относился к мировой бойне Владимир Маяковский, уже 20 июля 1914 г. откликнувшийся на нее стихотворением «Война объявлена» со словами: «А с запада падает красный снег / сочными клочьями человеческого мяса. / ... / А из ночи, мрачно очерченной чернью, / багровой крови лилась и лилась струя» [25. С. 70–71]. Тем не менее, спустя всего несколько месяцев Маяковский написал стихотворение «Вам!», поразившее творческое сообщество неприятием не столько войны, сколько отсиживавшейся в тылу богемы, к которой сам поэт и принадлежал:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
Вычитывать из столбцов газет?!

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие нажраться лучше как, –
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..

Если б он, приведенный на убой,
Вдруг увидел, израненный,
Как вы, измазанной в котлете губой
Похотливо напеваете Северянина!

Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!... [25. С. 79]

Неприятие тыловой богемы присутствовало тогда у многих россиян, в частности, М.К.Тенишева не стеснялась громко говорить о том, что «наше общество сверху донизу заражено тунеядством, и это хроническое ничегонеделание теперь, во время войны, является преступлением пред родиной и предательством» [39. С. 274]. Сама княгиня много сделала для русской армии, организовала за свой счет лазарет, снабжала боевые части продовольствием и так далее, в отличие от Маяковского, оставшегося в стороне от всех военных проблем. Избежал фронта и приятель Маяковского – Осип Брик, который во время воинского призыва быстро сел на пароход и плавал на нем до полного завершения набора маршевых рот. Чтобы не попасть под воинский призыв, в ход пускались даже липовые медицинские справки, в чем, например, откровенно признавался Ю.П.Анненков, получивший ее от друга семьи, врача-народовольца С.Я.Елпатьевского, сочинившего для молодого художника «ужасающий диагноз» [2. С. С. 481]. В начальный период войны удалось избежать призыва в армию и С.А. Есенину: «По глазам оставили», – объяснял он своему другу В.С.Чернявскому; однако в дальнейшем отсрочка по состоянию здоровья не сработала, и поэта все-таки направили на службу в Царскосельский военно-санитарный поезд [17. С. 221]. Многим тогда это казалось большой удачей, быть, пусть и санитаром, в тылу, а не на фронте, но только не поэту, который в скором времени, «твердо простившись с пушками, решил лишь в стихах воевать»:

Я бросил мою винтовку,
Купил себе “липу”, и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год [16. С. 191].

О том, насколько труден был фронтовой путь для интеллигенции, рассказал артиллерийский офицер Ф.А.Степун, попавший в 1914 г. в действующую армию и затем написавший роман «Из писем прапорщика-артиллера», представивший во всей полноте неоднозначность положения мастеров культуры в военной среде. Для многих из них, особенно тех, кто в принудительном порядке был мобилизован на фронт – для А.Гольденвейзера, М.Ларионова, Н.Купреянова, С.А.Клычкова, В.Хлебникова, В.Шершеневича и других – тяготы армейской службы воспринимались остро и болезненно [34. С. 36]. «Война!... Какая мерзость!» – восклицал Анатолий Мариенгоф [23. С. С. 269]. Даже военный инженер Николай Мясковский, служивший в чине поручика в саперных войсках, но прославившийся как композитор, и тот говорил, что «испытывает лишь чувство какой-то необъяснимой отчужденности ко всему происходящему, точно вся эта глупая животная, зверская возня происходит в совершенно другой плоскости» [30. С. 345]. В среде такой, занятой исключительно творчеством, интеллигенции «о священном долге перед родиной или патриотизме... и речи быть не могло. Эти чувства были в загоне...» [39. С. 278].

Свой долг интеллигенция видела в духовной борьбе, а не борьбе военной «за чей-то чужой интерес», как говорил С.А.Есенин, особенно если она велась бездарно и глупо: «Положение мое

скверное. Хожу отрепанный, голодный», – писал в 1916 г. из Царского Села издателю М.В. Аверьянову в надежде на его помощь Есенин [16. С. 190; 17. С. 231]. Одновременно он обратился за поддержкой в Комитет Литературного фонда, которому сообщал: «Находясь на военной службе и не имея возможности печататься, прошу покорнейше литературный фонд оказать мне вспомоществование взаимообразное, в размере ста пятидесяти рублей, ибо, получив старые казенные сапоги, хожу по мокроте в дырявых, часто принужден из немоготной пищи голодать и ходить оборванным, а от начальства приказ – ходи чище и имей сменную рубашку в церковь – хоть где хошь бери. А рубашку и шаровары одни без сапог справиться рублей 50 стоит да сапоги почти столько» [17. С. 228–229]. Литературный фонд отказал Есенину в поддержке на том основании, что им из журнала «Северные записки» был получен гонорар за повесть «Яр», однако совершенно не понятно, почему армия ничего не сделала для своего подопечного, русского военнослужащего, оказавшегося в столь плачевном положении.

Многие творческие деятели, считавшие себя людьми мира, а не войны, созидания, а не разрушения, подобно К.Д.Бальмонту старались уходить «от родимой межи, / За пределы – и правды, и лжи», говоря: «Чужда мне вся Земля с борьбой своей» [3. С. 32, 7]. Для этого были все условия, поскольку во время войны большинство театров, концертных залов, клубов, кафе-шантанов и так далее продолжало свою работу и закрывалось лишь при грубых нарушениях законодательства, что случилось, в частности, с литературно-артистическим кабаре «Бродячая собака», прекратившим свою деятельность в марте 1915 г. после того, как полиция обнаружила в нем запрещенный «Сухим законом» алкоголь. Тогда в Россию приехал бельгийский поэт Эмиль Верхарн, которому артистический мир Петрограда устроил пышный прием: в «Бродячей собаке», как вспоминал Ю.Анненков, «было очень много выпито (хотя водка была уже запрещена), собравшиеся галдели, подымая стаканы и рюмки в честь иностранного гостя», аплодировали его словам о том, что «мир состоит из звезд и людей», лезли целоваться, особенно К.Олимпов, «сильно “на взводе”, в братском порыве и с бутылкой вина в руке, с энтузиазмом набросился на Верхарна, целуя его во все щеки, в губы и даже в нос», и никто не желал думать о том, что шла война, гибли люди и большинству населения вообще было не до лирики и звезд [2. С. 162].

Княгиня М.К.Тенишева, вспоминая военное время, отмечала, что при всеобщем развале, царившем в России, когда «пушек нет, снарядов нет, ружей нет, да и вообще нет ни порядка, ни стойкости, ни согласованности», процветал, например, балет, деятельность которого была «доведена до полного совершенства» и «при нашем общем неустройстве, будто в насмешку... поставлена на должную высоту», и вовсе не из любви к искусству, а по «рвению поддерживать “священный огонь всесильного Ярилы”» [39. С. 273]. Этот «пир во время чумы», в котором участвовала элита и улизнувшие от фронта молодые люди, «каким-то чудом оказавшиеся пристроенными к всевозможным организациям, ...шатавшиеся по ресторанам, выставкам, театрам, по гостям и домам, где хорошо кормят», поражал равнодушных к судьбе России людей больше всего [39. С. 284]. Однако сама богемная молодежь никакой вины за собой не чувствовала и спокойно жила себе, например, в Финляндии около И.Е.Репина в Куоккале, где, кто

временно, а кто постоянно, обитали Ю.Анненков, М.Кузмин, В.Маяковский, А.Пуни, В.Хлебников, К.Чуковский и другие, беззаботно лицедействовавшие на подмостках местного театра и с удовольствием ходившие на веселые представления театра миниатюр «Кривое зеркало» Н.Н.Евреинова или кабаре импровизированных пародий «Летучая мышь» Н.Ф.Балиева. Художница Мария Воробьева-Стебельская, которую Горький прозвал Маревной, открыто признавалась: «Шла война с ее тяготами, разлуками, постоянными лишениями, и мы, которым пока удавалось ускользнуть от нее, торопились пить большими глотками из чаши жизни» [13. С. 58–59]. О том же говорил и Андрей Белый – «Мы над бездною... пьем кофе со сливками» [4. С. 407].

Уже на исходе 1914 г. у многих родилось острое чувство конца русской истории. Сводки с фронта, превращавшие «человека в материал для войны, в номер, в цифру» и сообщавшие о том, что «наши потери ничтожны, двое убитых и пятеро раненых», вызывали в обществе особое негодование – «Интересно знать: для кого это “ничтожны”? Для тех, кто убит? И интересно, чтобы он сам ответил по этому поводу, если бы поднять его из могилы...», – писал Л.Н. Андреев, убежденный в том, что «всякий, кто людей не по имени называет, а считает, тот есть дьявол слуга и обманщик: сам себе лжет и других обманывает – как только начнут людей считать, тотчас же теряют и всякую жалость, всякий рассудок» [2. С. 203; 1. С. 248]. Александр Блок 3 декабря провидчески сказал: «Он занесен – сей жезл железный – / Над нашей головой. И мы / Летим, летим над грозной бездной / Среди сгущающейся тьмы» [5. С. 219]. Провидцем оказался и Максимилиан Волошин, полагавший, что «война захлебнется в пламене и в лаве. / Будет спор о власти и о праве, / Будут умирать за знамена...» [10. С. 70].

Вместе с Первой мировой войной на Россию медленно надвигалась война гражданская, и культура, подобно лакмусовой бумаге, проявляла ее первые симптомы. Именно в 1914 г. Маяковский написал свое знаменитое «Облако в штанах», громко провозглашавшее: «Долой вашу любовь», «долой ваше искусство», «долой ваш строй», «долой вашу религию» – четыре крика четырех частей» российских футуристов [26. С. 7]. Всячески избегая участия в сражениях Первой мировой войны, он вместе с русскими авангардистами азартно окунулся в войну внутреннюю, направив всю свою энергию и силу молодости на разрушение вековых духовных основ, тем самым вольно или невольно расшатывая моральную крепость тыла. Как признавался Юрий Анненков, «наивно (наша юность и наша ненависть к войне сыграли в этом значительную роль) мы поверили, что революция социальная совпадает с революцией в искусстве. Мы поверили, что наша борьба за новые формы будет поддержана революцией социальной» [2. С. 135]. Не удивительно, что на исходе первого года войны глава Российской социал-демократической партии (большевиков) В.И. Ленин в работе «Социализм и война» открыто заявил о необходимости превращения Первой мировой войны, войны, по его убеждению, захватнической и несправедливой, в войну гражданскую, и взял курс на разжигание классовой ненависти в стране и мире.

26 января 1914 г. в Россию приехал основатель футуризма Ф.Т.Маринетти, еще в 1903 г. написавший работу «Разрушение» («Destruction»), и в течение всего последующего времени призывавший уничтожать библиотеки и музеи, крушить «седые почтенные города», и считавший «войну – единственной гигиеной мира» [24]. Молодое поколение интеллигенции было в восторге от подобного нигилизма: «Нет больше любви, ради которой изменялась истина искусства», утверждал Малевич, «нет больше любви уголков» [22. С. 416, 53]. Малевичу вторил Маяковский, громогласно заявлявший: «Мы тебя доконаем, / Мир-романтик! / Вместо вер – в душе электричество, пар. / Вместо нищих – всех миров богатство прикарманьте! / Стар – Убивать! На пепельницы черепа!» [27. С. 813–814]. Было заявлено «о скачке в будущее», о начале новой эры в искусстве, с новыми формами, свободными от «омута дряни академического искусства» и всех его представителей: писателей, поэтов, композиторов, художников, скульпторов. «Не надо прямого, красивого..., довольно нам Аполлонов Бельведерских», – заявлял Павел Филонов [12. С. 112]. Еще жестче высказывался Д.Бурлюк: «Мы аннулируем все классическое – эстетизм наизнанку! Никаких Елен Прекрасных, никаких хрусталей и ананасов! Мы провозглашаем всякую “пакость” – паклю, помет цыплячий, гнилую капусту, а если стекло, то толченное и с щебенкой» [18. С. 217]. В общем, как писал Казимир Малевич, который в книге «От кубизма к супрематизму» все это отнес к «искусству дикаря», «футуристы проявили громадную силу воли, чтобы нарушить привычку старого мозга, содрать огрубевшую кожу академизма и плюнуть в лицо старому здравому смыслу» [22. С. 44]. Плевали футуристы много и охотно, как коллективно, например, в сборнике «Развороченные черепа», так и по одиночке, считая, подобно Константину Олимпову, что «поэзия есть зверь пугающий людей» и давая своим «поэтам» такие заголовки: «Глагол Родителя Мироздания: негодьям и мерзавцам» и «Проэмия Родителя Мироздания: идиотам и кретинам» [32. С. 202]. Именно такой бунтующей молодежи война развязывала руки и создавала невозможные в мирное время условия по разрастанию смуты, превращения ее в революцию. Недаром А.Н.Скрябин в 1915 г. записал в своем дневнике:

Предчувствия мрачного
Ритмы тревожные
В мир очарованный
Грубо врываються... [37. С. 192]

Первая мировая война, приучившая к людей к смерти, к тому, что, говоря словами Брюсова, «мысль успела с жатвой трупов сжиться» [7. С. 308], вылепила из авангардистов рьяных и стойких борцов с мастерами культуры давнего и недавнего прошлого, и этот их убийственный энтузиазм сыграл на руку политикам-революционерам, мечтавшим под грохот пушек и ядовитый дым газовых атак сломать старый строй со всей его этикой и эстетикой. Как писал Игорь Северянин: «Изысканность – это то, что мы потеряли навеки 19 июля 1914 года!.. Вернее: 25 октября 1917 года» [36. С. 638–639]. Обе даты были тесно связаны друг с другом, однако трагедия состояла в том, что изысканность замещалась не просто эстетикой безобразного, а грубым насилием, цинизмом и распадом межличностных отношений. Недаром Д.С.Мережковский

любил говорить: «Вот русский стиль начала XX века. Запах динамита, смешанный с апокалипсическим ладаном» [28. С. 126]. Молодое поколение интеллигенции, возвращенное 1914 г., мечтало уже не о «возвышении природы до уровня поэзии» [29. С. 171], не о преобразении мира, а о его разрушении «до основанья» с тем, чтобы построить новый мир, в котором, как полагали, например, Александр Блок и Юрий Анненков, должно обязательно «явится третье, равно не похожее на строительство и разрушение», начнется «эволюция, без разрушений и без убийств...» [2. С. 45]. Однако этого не случилось, и не прошло и четверти века, как началась Вторая мировая война...

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреев Л.Н. Иго войны // Андреев Л.Н. Дневник Сатаны. – М.: Эксмо, 2006. – С. 211–302.
- [2] Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. – М.: И. Захаров, 2001. – 512 с.
- [3] Бальмонт К.Д. Стихотворения. – М.: Профиздат, 2009. – 224 с.
- [4] Белый А. Петербург. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – 420 с.
- [5] Блок А.А. Стихотворения и поэмы. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. – 320 с.
- [6] Брюсов В.Я. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1979. – 288 с.
- [7] Брюсов В.Я. Избранное. – М.: Правда, 1982. – 464 с.
- [8] Булгаков В.Ф. О Толстом: Воспоминания и рассказы. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1978. – 486 с.
- [9] Волошин М. Россия распятая // Волошин М. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2009. – С. 13–50.
- [10] Волошин М. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2009. – 304 с.
- [11] Гиппиус З.Н. Современная запись 1914–1919 гг. Дневник // Мережковский Д.С. Большая Россия. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. – 272 с.
- [12] Глебова Т.Н. Воспоминания о Павле Николаевиче Филонове // Панорама искусств. 11. – М.: Советский художник, 1988. – С. 108–127.
- [13] Гончаренко Е. Нравы улья // Коллекция. – 2004. – № 6. – С. 58–59.
- [14] Гумилев Н. Колчан. Стихи. – Пг.: Гиперборей, 1916. – 128 с.

- [15] Дневники и документы из личного архива Николая II. Воспоминания. Мемуары. – Минск: Харвест, 2003. – 372 с.
- [16] *Есенин С.А.* Собр. соч. в 3 т. Т. 2. – М.: Правда, 1970.
- [17] *Есенин С.А.* Собр. соч. в трех томах. Т. 3. – М.: Изд-во «Правда», 1970.
- [18] *Жегин Л.Ф.* Воспоминания о В.Н. Чекрыгине // Панорама искусств. 10. – М.: Советский художник, 1987. – С. 195–232.
- [19] *Иванов А.Е.* Наука и высшая школа России в период Первой мировой войны и революций // Российская история. – 2014. – № 5. – С. 147–163.
- [20] *Кальянов А.Ю.* «Воочию увидеть на экране правдивое воплощение подвигов наших чудобогатырей». История создания и деятельность Военно-кинематографического отдела Скобелевского комитета // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 9. – С. 68–72.
- [21] *Купченко В.* Странствия Максимилиана Волошина. – СПб.: Изд-тво «Logos», 1997. – 544 с.
- [22] *Малевич К.* Черный квадрат. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 576 с.
- [23] *Мариенгоф А.* Роман без вранья; Циники; Мой век. – Л.: Худож. литература, 1988. – 480 с.
- [24] *Маринетти Ф.Т.* Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами : Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. – М.: Прогресс, 1986. – 640 с.
- [25] *Маяковский В.В.* Соч. в 3 т. Т. 1. – М.: Худож. литература, 1978.
- [26] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 12. – М.: Гослитиздат, 1959.
- [27] *Маяковский В.В.* Полн. собр. стихотворений, поэм и пьес в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2011. – 1328 с.
- [28] *Мережковский Д.* Конь бледный // Мережковский Д.С. Больная Россия. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. С. 116–128.
- [29] *Моруа А.* Шестьдесят лет моей литературной жизни : Сб. статей. – М.: Прогресс, 1977. – 296 с.
- [30] *Мяковский Н.* Статьи, письма, воспоминания. Т. 2. – М.: Советский композитор, 1960.

- [31] *Немировская О., Вольпе Ц.* Судьба Блока. Воспоминания, письма, дневники. – М.: Аграф, 1999. – 288 с.
- [32] *Олипов К.* Возникновение эгопоэзии вселенского футуризма // Минувшее. Исторический альманах. 22. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1997. С. 186–205.
- [33] ОР РГБ. Ф. 75. Ед. хр. 31.
- [34] *Пархоменко Т.А.* Русский интеллигент на рубеже веков. – СПб.: Век искусства; Нива, 2007. – 208 с.
- [35] *Розанов В.В.* Уединенное. – М.: Республика, 1990. – 718 с.
- [36] *Северянин И.* Поэты и прозы. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 656 с.
- [37] *Скрябин А.Н.* Записи // Русские Пропилеи. Т. VI. – М., 1919.
- [38] *Солоневич И.* XX век. Так что же было?... – М.: ФИВ, 2009. – 496 с.
- [39] *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. – Л.: «Искусство», 1991. – 288 с.
- [40] *Толстой Л.Н.* Патриотизм и правительство // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 90. – М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1958. С. 438–448.
- [41] *Устами Буниных.* Дневники. Т. 1. – М.: Посев, 2005. – 304 с.
- [42] *Ходасевич В.Ф.* Некрополь. Воспоминания. Стихотворения. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с.
- [43] *Цветаева М.* Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. – 864 с.
- [44] *Шагал М.* Моя жизнь. – М.: Изд-во «ЭЛЛИС ЛАК», 1994. – 208 с.

© Пархоменко Т.А., 2015.

Материал поступил в редакцию 12.01.2015.

Пархоменко Татьяна Александровна,

доктор исторических наук,

начальник отдела Российского научно-исследовательского института

культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Москва),

e-mail: ParchomenkoT@yandex.ru

UDC 94(47)"1914/19"

*Parkhomenko T.***THE FIRST WORLD WAR AND THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA**

Abstract. The article analyzes the relation of the creative community to war. Russia's entry into World War I divided the intelligentsia to its adherents, who were ready to defend national interests by force of arms, and pacifists, who believed that there can be no winners in the fight of the warring parties - only losers, and every military victory is only an optical illusion. The author describes the "military area" of national culture. Particular attention is paid to avant-garde futuristic projects: from F.T.Marinetti, who considered the "war - the only hygiene of the world", to V.Mayakovsky, who said during the war: "Down with your love, down with your art, down with your order, down with your religion". The transitions from a culture of war to a policy of revolution, and from external to the internal war are traced in the article.

Key words: history, culture, Russia, World War I, intelligentsia, patriotism, pacifism.

Parkhomenko Tatiana Aleksandrovna,

D. in History,

Head of the Department for Culture of the Russian Abroad,

D.Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural and Natural Heritage (Moscow),

e-mail: parchomenkoT@yandex.ru